

5. Grossman, L. K. Republika elektroniczna / L. K. Grossman // Władza i społeczeństwo 2. Antologia tekstów z socjologii polityki, ed. by J. Szczupaczynski. – Warszawa, 1998.

6. Democracy Index 2018: Me too? Political participation, protest and democracy [Electronic resource]. – Mode of access: <https://nonews.co/wp-content/uploads/2019/01/DI2018.pdf>. – Date of access: 11.01.2019.

7. Democracy Index 2017 Free speech under attack. [Electronic resource]. – Mode of access: https://nonews.co/wp-content/uploads/2014/10/Democracy_Index_2017.pdf. – Date of access: 11.01.2019.

8. London, S. Teledemocracy vs. Deliberative Democracy: A Comparative Look at Two Models of Public Talk / S. London // J. of Interpersonal Computing and Technology. – 1995. – Vol. 3. – P. 33–55.

(Дата подачи: 22.02.2019 г.)

A. B. Панченко

Белорусский национальный технический университет, Минск,

A. Panchenko

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 32.01

ПОЛИТОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

POLITICAL SCIENCE IN THE CONTEXT OF THE MODERN WORLD POLITICAL PROCESS

В статье анализируются результаты зарубежной и постсоветской политологии. Обосновывается мысль о недостаточности вклада политологии в утверждение ценностей демократического правового социального государства, верховенства прав человека, следствием чего все ощутимее становится разрыв между политической теорией и политической практикой. В статье показана необходимость нового прочтения прежних теорий и концепций и более глубокого осмысления имеющихся, а также формирования новых парадигм политологии.

Ключевые слова: зарубежная политология; постсоветская политология; парадоксы политической практики; новые парадигмы политологии.

The article analyzes the results of the foreign and post-Soviet political science. The author substantiates the idea of the insufficient contribution of the political science to the establishment of the values of a democratic legal social state, the rule of human rights, as a result an increasingly noticeable gap between the political theory and the political practice. The article suggests the need for a new reading of previous theories and concepts and a deeper understanding of existing ones, as well as the formation of new paradigms of the political science.

Keywords: the foreign political science; the post-Soviet political science; paradoxes of the political practice; new paradigms of the political science.

В статье проводится анализ школ политологии, сформировавшихся в разных частях мира (американской, европейской, азиатской, латиноамериканской, африканской, постсоветской) в их соотношении с проблемами по-

литической практики. Политология имеет громадное влияние на характер развертывания мирового политического процесса, но оказалась с неоднозначными результатами на исходе XX – начала XXI в. Почему так случилось? Как воспринимает политические теории политическая практика? Попробуем ответить на эти вопросы.

Считается, что наиболее влиятельной в современном мире остается **американская политология**, у истоков которой стояли американские федералисты Т. Джефферсон, Д. Мэдисон, Б. Франклин, Т. Пейн, А. Гамильтон и др., некоторые из них стали отцами-основателями США. Но институализация самой науки произошла значительно позже. В 1886 г. при Колумбийском колледже в Нью-Йорке впервые создается Школа политической науки, а затем политология начинает преподаваться в университете Дж. Гопкинса и других вузах США. В конце XIX – начале XX в. появляются работы Д. Вулси «Политическая наука, или государство, рассматриваемое с теоретической и практической точек зрения» (1878 г.), В. Вильсон «Государство» (1889 г.), Д. Берджес «Политическая наука и сравнительное конституционное право» (1890 г.), У. Уиллоуби «Исследование природы государства» (1896 г.), У. Даннинг «История политических теорий, древность и средние века» (1902 г.), «История политических теорий: от Лютера до Монтескье» (1905 г.), «История политических теорий: от Руссо до Спенсера» (1920 г.) и др.

В этот период под влиянием революционных событий в России зарождаются исследования проблем политического процесса с точки зрения влияния социальных факторов. А. Бентли издает книгу «Процесс управления, изучения социального влияния» (1908 г.), в которой пришел к выводу о том, что все явления государственного управления – это результат действия групп интересов, давящих друг на друга и на политическую элиту. Такие группы становятся генераторами социальной активности людей. В 1922 г. У. Липпман публикует книгу «Общественное мнение», которое автор рассматривал как «основание политической жизни».

Постепенно в американской политологии широкое распространение получает опыт сотрудничества политологов с политическими лидерами в качестве помощников, консультантов, советников с целью апробации своих теорий на практике. Эта традиция не прерывается и в наши дни. Такие крупные политологи, как Г. Киссинджер, З. Бжезинский, К. Райс и др., занимали ведущие позиции в американских администрациях, а после окончания срока своей службы в правительственных учреждениях США вновь возвращались к научной политологической деятельности или преподаванию политологии в университетах.

С начала XX в. и до 1950-х гг. американские политологи проводили исследования на основе т.н. «поведенческого (бихевиорального) подхода», суть которого состояла «...не в тех или иных конкретных выводах или предположениях, а в общей ориентации на превращении политологии в «точную»

науку» путем изучения политического поведения избирателей и способах влияния на него. Позднее большинство политологов пришли к убеждению, что специфика американской политологии не в особенностях ее метода, а в определении предмета исследований и возможностей сосуществования бихевиорализма и функционализма, психологических и институциональных концепций [1, с. 61]. Но пока же Г. Лассуэл, специалист по массовой пропаганде и коммуникации, публикует книгу «Техника пропаганды во время мировой войны» (1927 г.), ставшую классическим трудом по массовым коммуникациям.

После окончания Второй мировой войны обострилось политико-идеологическое противоборство двух мировых социально-политических систем, олицетворяемых ведущими государствами – США и СССР, которое потребовало от американских политологов разработки новых приемов коммуникативного (читай: манипулятивного) воздействия на общественное мнение. Стали исследоваться технологии зондажа общественного мнения и практиковаться панельные (повторяющиеся) опросы избирателей. Американские политологи Б. Берельсон и П. Лазарсфельд издают работу «Выбор народа» (1948 г.), а чуть позже выпускают книгу «Голосование» (1954 г.). Со второй половины 1940–1950-х гг. американские политологи оказались перед глобальным вызовом: крушение системы колониализма и расширение пространства и влияния мировой системы социализма; появление новых независимых государств и выбор ими социалистических моделей ориентации в социально-политическом и экономическом развитии. Все это бросало вызов американской политологии, требуя от нее новых и переосмысления прежних политических теорий. Возникают ставшие классическими теории политической системы, политической культуры, политической модернизации таких авторов, как Д. Истон, Г. Алмонд, С. Верба, У. Ростоу и др. Продолжением этих исследований стали труды Р. Даля, А. Лейпхарта, С. Хантингтона, Л. Пая и др., посвященные проблемам демократии и перехода к ней («демократический транзит»). Одновременно в 1960–1970-е гг. на фоне развернувшейся информационно-технологической революции в США и др. западных государствах большую популярность приобретает системный подход в исследованиях политики. В этот период в США полным ходом идут разработки и внедрение компьютерных, информационных и иных коммуникационных технологий, Интернета вначале в рамках военных структур и оборонных проектов американского правительства, а затем и в гражданские сферы.

Чуть позже в американской политологии возникает и бурно развивается междисциплинарное направление исследований – «советология» и «кремленология» с целью более глубокого изучения государственного строя, политики, экономики, культуры своего оппонента – СССР. По причине практического отсутствия в арсенале американских советологов эмпирической, построенной на достоверных фактах информации об СССР, в «советоло-

гии» и «кремленологии» основными каналами получения информации стали журналистика и разведка, а в научном плане – использование методов «включенного наблюдения», «экспертных оценок». В «кремленологии», к примеру, исследовались принципы и методы принятия политических решений высшими советскими руководителями на основе тщательного анализа видео- и фотосъемок государственных мероприятий, очередность выстраивания советских лидеров на трибунах и их рассаживания на заседаниях, нюансы стиля одежды, речи, поведения и т. п. Крупнейшими американскими советологами становятся У. Буллит, А. Безансон, З. Бжезинский, М. Геллер, Д. Кеннан, Р. Конквест, С. Коэн, К. Райс.

Однако с 1970–1980-х гг. в американской политологии стал ощущаться парадигмальный кризис, связанный с провалами теорий политической модернизации, политической культуры, «демократического транзита» в постколониальных государствах и др., что побудило ученых сосредоточить основные усилия на политико-идеологическом противостоянии с СССР, государствами мировой системы социализма и стран социалистической ориентации. Появляются многочисленные работы, наиболее значимые из которых написаны такими мэтрами американской политологии, как З. Бжезинский и Р. Пайпс: З. Бжезинский «Между двумя веками: роль Америки в эру технотроники» (1970 г.); Р. Пайпс «Россия при старом режиме» (1974 г.); З. Бжезинский «План игры: геостратегическая структура ведения борьбы между США и СССР» (1986 г.); «Большой провал: рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке» (1989 г.) и др., поставившие целью разрыхление, дискредитацию и окончательный подрыв СССР и России, политики, культуры и идеологии государства.

В 1990–2000-е гг. в американской политологии продолжается тренд не столько на «стремление избежать анализа острых политических проблем страны» и «поиск ценностных оснований» [1, с. 135], сколько на теоретическое обоснование превосходства американской модели политического развития и геополитической гегемонии США. Появляются работы таких авторов, как: Ф. Фукуяма «Конец истории и последний человек» (1992 г.), где провозглашается тезис о распаде СССР и распространении либеральных демократий во всем мире как конечной точке социокультурной эволюции человеческого общества и появление окончательной формы человеческого правительства, но уже в более поздней работе «Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке» (2004 г.) Ф. Фукуяма оспорил выдвинутый им ранее тезис как поспешный; С. Хантингтон «Третья волна. Демократизация в конце XX века» (1991 г.); «Столкновение цивилизаций» (1993 г.); З. Бжезинский «Великая шахматная доска: американское господство и его геостратегические императивы» (1997 г.), «Выбор: мировое господство или глобальное лидерство» (2004 г.) и др.

В начале XXI в. в американской политологии происходят качественные изменения, переоценке подвергаются ранее выдвинутые концепции. В этот

период условия мирового расклада сил существенно изменяются. Это связано с убеждением исследователей о том, что «мировое доминирование одной единственной державы в мире больше невозможно, вне зависимости от того, насколько она сильна или слаба. Особенно это касается ситуации, когда на мировую арену вышли новые региональные державы» [2, с. 200]. Другой причиной называется «нарастание системного кризиса в самих США», сравнимого с тем, который погубил СССР. Этот анализ проводится в последних работах З. Бжезинского «Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис» (2010 г.), «Америка и мир: беседы о будущем американской внешней политики» (2013 г.), в которых автор предупреждает США о «неуклонной и в конечном итоге роковой утрате способности играть ведущую роль на мировой арене вследствие нерешенных внутренних и затягивающихся внешних проблем, которые выжимают из нее все соки, постепенно деморализуя общество, подрывая социальный престиж и сокращая кредит мирового доверия». «В результате, прогнозирует ученый, где-то к 2025 году на фоне международной нестабильности Америка де-факто лишится триумфально провозглашенного владычества над XXI веком» [2, с. 119].

Парадигмальный кризис американской политологии стимулирует продолжение научных споров в политологическом сообществе. Организацией, объединяющей научные изыскания американских политологов, является Американская ассоциация политической науки (APSA), образованная в 1903 г. и состоящая из исследовательских комитетов, самыми популярными из которых являются: сравнительная политика; социальная политика; выборы, общественное мнение и избирательное поведение и др.

Европейская политология подлежит, пожалуй, более глубокой дифференциации по причине наличия в ней разновеликих научных центров: западноевропейской, центрально- и восточноевропейской школ политологии. К крупным *западноевропейским* школам политологии относят французскую, британскую, немецкую, итальянскую. У истоков западноевропейской политологии стоят Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш.-Л. Монтескье, Э. Берк, Ж.-Ж. Руссо, А. Токвилль, Т. Мор, К.-А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн, К. Маркс, Ф. Энгельс, М. Вебер и др.

Во Франции политология была институализирована в 1871 г. с открытием Свободной школы политических наук; в Италии – в 1875 г. с основанием Школы социальных наук «Чезаре Альфиери»; в Великобритании – в 1895 г. с созданием Лондонской школы экономики и политических наук; в Германии – в 1920 г. с образованием Высшей политической школы. Основной метод исследований европейских политологов – институционализм, акцент на изучении институтов государства и гражданского общества. Среди работ европейских институционалистов выделяют следующие труды: англичанин Д. Брайс «Американская республика» (1888 г.), «Современные демократии» (1921 г.); С. Лоу «Государственный строй в Англии» (1910 г.); французов М. Ориу «Теория института и ее основание» (1906 г.), Л. Дюги «Конститу-

ционное право» (1908 г.) и «Государство, объективное право и положительный закон» (1901 г.); немцев Ф. Оппенгеймера «Государство» (1908 г.); Р. Михельса «Социология политической партии в условиях современной демократии» (1911 г.) и др.

Во второй половине XX в. продолжилось изучение политических институтов. Французский политолог М. Дюверже посвящает изучению институтов специальные работы: «Политические партии» (1951 г.), «Политические институты и конституционное право» (1970 г.) и др. Основной упор на политические институты в западноевропейских исследованиях сохраняется и в наши дни. Большое внимание политическим институтам уделяют такие политологи, как итальянец Дж. Сартори, французы Р. Арон, М. Дюверже, М. Доган, Ж. Блондель, голландцы Х. Даальдер, П. Мэр, норвежцы С. Роккан, Й. Ольсен, Э. Ойен, немец К. фон Бейме и др.

Очень сильное влияние на западноевропейскую политологию оказали взгляды К. Маркса. Новая интерпретация взглядов К. Маркса со стороны неомарксистов – Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Г. Маркузе – привела к широким исследованиям по проблеме «отчуждения», которая была положена в центр современных политических институтов, превратившихся из средства защиты общества в орудие подавления личности и общества. Итальянский коммунист А. Грамши одним из первых пришел к выводу, что жизнеспособность буржуазной системы основана не только на материальных, но и идеологических (культурных, интеллектуальных) факторах. Господство класса буржуазии основано как на принуждении, так и на идеологическом лидерстве (гегемонии). Гегемония осуществляется посредством институтов гражданского общества – партиями, профсоюзами, образовательными и культурными учреждениями, церковью, СМИ и т. д. А. Грамши утверждал, что гражданское общество и составляет идеологическую надстройку, за которую должны вести борьбу рабочий класс и коммунистическая партия, т. е. борьбу за гегемонию.

Политологи Европы объединены в национальные политологические ассоциации. Приоритетными направлениями их исследований являются: политическая система собственной страны и ЕС; международные отношения; политический анализ и государственное управление; политическая социология; политическая теория и история политических идей. Вместе с тем европейским политологам трудно развести анализ политических институтов в собственных государствах и исследование политической системы ЕС.

Центрально- и восточноевропейская политология обладает особой спецификой, поскольку государства региона в течение 1940–1980-х гг. находились в условиях развития марксистско-ленинской парадигмы в системе общественных наук. Падение коммунистических режимов по результатам «бархатных революций» привело к официальному отказу от марксистско-ленинского наследия в общественных науках. Широко распространенной темой исследований политологов стала проблема «демократического тран-

зита» – перехода от коммунистической диктатуры к демократии. С этой целью ученые в государствах Центральной и Восточной Европы прилагают усилия к разработке концепций о применимости разработанных на Западе теорий к политическим реалиям собственных государств. В этом направлении работают такие ученые как: в Болгарии – Д. Канев, Г. Карасимеонова, Р. Колорова, Ф. Дмитрова; в Венгрии – А. Бозоки, Х. Энеди, М. Шукошд; в Польше – Я. Василевский, В. Рошковский, Я. Станишкис, А. Пшеворски; в Румынии – В. Тисмэняну, В. Пасти, М. Миррою, С. Брукан; в Чехии – В. Чермак, Я. Шкалоуда и др. В целом в политологии Центральной и Восточной Европы большое внимание уделяется анализу собственной национальной идентичности и развитию собственных политических систем. Координирующую роль в европейских исследованиях выполняет Европейский консорциум политических исследований (ЕСРР).

К *азиатской политологии* можно отнести школы политологии в Японии, Южной Корее, Индии, Китае. Специфика каждой из этих школ обусловливается особенностями демократизации этих государств и степенью влияния на них американской политологии. В этом смысле почву для развития *японской политологии* «подготовила ее безоговорочная сдача союзным войскам во главе с США» [3, с. 134] сразу после окончания Второй мировой войны и американской оккупации Японии. Японский политолог, профессор Токийского университета Такаси Иногучи отмечает, что главными темами японских политологов стали два вопроса: 1) что происходило с «богатой», обладающей «сильной армией» и неуклонно продвигающейся по пути «просвещения и предпринимательства» Японии в 1930–1940-е гг.; 2) в чем секрет западной демократии? Поиск ответов на эти вопросы приводит к выделению в японской политологии исследователей современной политической истории и специалистов по западному миру. После распада СССР японские политологи стали больше внимания уделять изучению своей политической системы. Возрос интерес к государствам постсоветского пространства, в частности, к России в связи с появлением проблесков надежд в разрешении заскоруждой проблемы т.н. «северных территорий». В 1948 г. была создана Ассоциация политической науки Японии, насчитывающая как индивидуальных, так и коллективных участников, которыми выступают десятки кафедр политологии по всей стране.

В 2015 г. японский политолог Каору Июкибэ сформулировал такие проблемы современной японской политики: 1) в чем причина сильного влияния бюрократии на политическую жизнь страны; 2) почему сохраняется партийная система с одной доминантной партией; 3) чем объясняется крайне слабая партийная идентификация граждан; 4) как в процессе принятия политических решений и электоральном поведении переплетаются политика и экономика? Ответом на растущие противоречия политического развития Японии стало проведение 9–13 июля 2006 г. в г. Фукуока XX Всемирного конгресса политологов под названием «Работает ли демократия?», обсуж-

давшим такие темы, как проблемы глобализации, модели демократии, нового мирового порядка, перспективы всемирной демократизации.

Южно-корейская политология оформилась в 1953 г. после окончания корейской войны и образования Корейской ассоциации политических наук (KPSA), но была сильно заторможена в годы правления диктаторских режимов. Активизация южнокорейской политологии начинается с 1989 г. после объявления военным диктатором Южной Кореи Ро Де У о демократизации режима. С этого периода главной темой южнокорейских политологов стала проблема «третьей волны демократического транзита», которая разрабатывается такими политологами, как Дж. К.-Ч. О. Сунхюк Ким, Д. Ч. Шин, М. Ву-Кьюмингс и др. [3, с. 136–137]. Своеобразным признанием заслуг южнокорейской политологии стало проведение 17–21 августа 1997 г. XVII Всемирного конгресса политологов в Сеуле.

Китайская политология стала развиваться после реформ Дэн Сяопина и начала политики либерализации в 1980-х гг. В этот период китайские политологи проводили исследования и опубликовали работы: академик Ян Цзияки «Политическое лидерство», «Власть и правда»; Хэнин Ванн «Сравнительный политический анализ», «Китайская политическая культура в деревнях и семье». Несмотря на импортирование из США политологической терминологии, из выходящих в Китае книг отнюдь не следует, что страна должна отказаться от Коммунистической партии и коммунистического правления. Политология используется либо для критики западной модели демократии, либо для обоснования необходимости тщательного и взвешенного осмысления западных практик применительно к специфическим условиям Китая [3, с. 138]. Китайские политологи не являются участниками Международной ассоциации политических наук, протестуя против членства в ней Тайваня, который не признается Китаем суверенным государством.

Индийская политология играет уникальную роль в современной политической науке и практике, поскольку в Индии демократические политические институты и ценности соседствуют с пережитками кастового строя, а экономические успехи – с невысоким уровнем жизни основной массы населения. Основоположниками индийской политологии являются М. Ганди и Дж. Неру – политические мыслители и борцы за независимость Индии. Современная проблематика индийских политологов состоит в поиске путей разрешения главного противоречия – потребности в обеспечении целостности и единства индийской нации и сохранении и развитии ее культурно-религиозного многообразия. Кризис прежних политических теорий формирует запрос на качественно новые идеи, которые оказались бы способны, по словам индийского политолога Бипана Чандры, «примирить конфликтующие интересы и соединить «расходящиеся перспективы». Б. Чандра в своей книге «Становление современной Индии: от Маркса до Ганди» (2000 г.) отмечает, что сегодня нет важнее задачи, чем открытие шлюзов для полноводных потоков, способных смыть «накопившуюся грязь столетий». К числу

известных индийских политологов относят П. Шарана, Л. Венкатешварана, С. Ранганатана. Координационную функцию в работе индийских политологов, кафедр и факультетов политологии осуществляет Индийская ассоциация политической науки.

Латиноамериканская политология сохраняет видение проблем развития региона с точки зрения соотношения стран «третьего мира» с теориями отсталости и зависимости. Такие исследователи, как А. Агиляр, Р. Пребиш, С. Фуртаду, Э. Кардозу, Э. Фалетто, Т. Душ-Сантуш и др., пришли к заключению, что такое положение латиноамериканских государств выгодно прежде всего странам Запада.

Иначе к проблемам Латинской Америки подходят исследователи в Аргентине. Известный аргентинский политолог Гильермо О'Доннел сосредоточил свое внимание на проблемах и формах перехода к демократии. В мировой политологии имя ученого известно как основоположника термина «делегативная демократия», или первой стадии демократизации – перехода от авторитаризма к демократии. На основе обобщения политического опыта Аргентины, Бразилии, Перу, Эквадора, Боливии и др. государств О'Доннел пришел к выводу, что «делегативная демократия» (в другой интерпретации – «полномочная демократия») – это не наступающая демократия. В них процесс принятия политических решений, формирование воли большинства населения с помощью справедливых выборов, равный доступ к власти не институционализированы, отсутствуют устойчивые формы взаимодействия субъектов политики в соответствии с правилами и нормами. Но, несмотря на это, «делегативные демократии» являются довольно устойчивыми и опираются на официальные институты: суд, парламент, партии, президент. Но в силу слабости политических институтов и сложности социально-экономических проблем, доставшихся от предыдущих правительств, доминирующим в системе власти становится институт президентства, которому делегируются значительные, чтобы не сказать неограниченные властные полномочия. В «делегативных демократиях», по О'Доннелу, президент рассматривается как воплощение единства нации, главный хранитель и знаток национальных интересов. Победа на выборах предоставляет ему право самостоятельно выработать политический курс, не опасаясь противодействия иных институтов власти [4, с. 185–198]. Современные политологи из государств Латинской Америки объединены в Латиноамериканскую ассоциацию политической науки (ALAPS), крупнейшими участниками которой являются Аргентинская и Бразильская ассоциации. Всемирные конгрессы политологов трижды в XX в. проводились в Латинской Америке: XII – в г. Рио-де-Жанейро, Бразилия, в 1982 г.; XV – в г. Буэнос-Айрес, Аргентина, в 1991 г.; XXI – в г. Сантьяго, Чили, в 2009 г.

Африканская политология представлена довольно слабо в мировой политологии, тем не менее, политологические исследования проводятся в Сенегале, ЮАР. В Африканском институте ООН по экономическому раз-

витию и планированию в г. Дакаре критически переосмысливают развитие глобального капитализма, где государства «первого мира» – США, ЕС, Япония – подвергают эксплуатации государства «третьего мира», используя монополию на передовые технологии, оружие массового поражения, СМИ и т. д. Сенегальский политолог Самир Амин рекомендует государствам Африки добиваться автономии от мирового «центра». В качестве примера он приводит опыт бывшего СССР, отгородившегося от капитализма «железным занавесом», и опыт Южной Кореи, где отсутствовало подавляющее влияние государственной собственности, но крупные корпорации играли ту же роль, что и государство в СССР. Крупнейшим объединением африканских политологов является Южноафриканская ассоциация политических исследований, образованная в 2001 г. В целях установления постоянных контактов с африканскими политологами и попытке остановить маргинализацию Африки в глобализирующемся мире 29 июня – 4 июля 2003 г. в г. Дурбан (ЮАР) проходил XIX Всемирный конгресс политологов. Его тема – «Демократия, толерантность, справедливость: вызовы для политических изменений».

Постсоветская политология возникла после предписания ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13 марта 1988 г. Госкомитету СССР по науке и технике «пересмотреть и утвердить номенклатуру специальности с учетом развития новейших направлений развития науки и техники». Госкомитет, в свою очередь, 4 ноября 1988 г. издает Постановление № 386 «О номенклатуре специальностей научных работников», согласно которому впервые в стране официально утверждалась номенклатура специальностей по политическим наукам [5, с. 316]. Его можно считать официальным днем рождения политологии на постсоветском пространстве. Но отправным пунктом сложного процесса становления политологии в постсоветских государствах следует считать период после кончины И. Сталина, проведения XX съезда партии, разоблачившего культ личности и начала регулярных контактов советских ученых с Международной ассоциацией политических наук (МАПН) в рамках созданной в 1960 г. Советской ассоциации политических (государствоведческих) наук. Эти контакты не прерывались все последующие десятилетия. В 1979 г. созрели предпосылки для проведения в Москве XI Всемирного конгресса политологов под девизом «Мир, развитие, знание: вклад политической науки». Этот Конгресс помог теоретическому оформлению политики «перестройки» и «гласности» и легализации самой политологии во второй половине 1980-х гг. В 1990-е гг. проводится институционализация политологии, формируются политологические сообщества и происходит их идеологическое размежевание. В 1991 г. была образована Российская ассоциация политической науки (РАПН), по инициативе которой стали созываться Всероссийские конгрессы политологов. В 1993 г. была зарегистрирована Белорусская ассоциация политических наук (БАПН), объединившая специалистов в сфере социально-гуманитарного знания и практиков. 25 октября 2018 г. БАПН провела Международную научную

конференцию «Беларусь в условиях глобализации и интеграции», в работе которой участвовали белорусские и зарубежные ученые, общественные деятели, главы дипмиссий Германии и Швейцарии [6]. Наряду с действующей Российской ассоциацией политической науки в 2013 г. было создано Российское общество политологов (РОП). 10 сентября 2018 г. в Москве состоялся очередной Съезд РОП, на котором делегаты обсуждали вопросы развития политологического образования, а также приняли участие в торжествах по случаю 10-летия образования ф-та политологии МГУ им. М. В. Ломоносова. По мнению российских исследователей М. Е. Корякина и А. Ю. Сунгурова, в РОП институционально оформилась «почвенническая» часть политологического сообщества, ориентирующаяся более на обслуживание задач государства» [7, с. 18].

В начале XXI в. постсоветская политология продолжает оставаться неустойчивым явлением в политической практике. Вклад постсоветской политологии оказался недостаточным в утверждении ценностей демократического правового социального государства, укреплении институтов гражданского общества и верховенства прав человека. Как следствие, все ощутимее становится разрыв между политической теорией и политической практикой. В государствах Балтии, например, с начала 1990-х гг. действует законодательство, определяющее как угрозу национальной безопасности вступление в любые интеграционные проекты с Россией и другими государствами СНГ. При этом декларируемая приверженность демократическим идеалам и ценностям уживается с сохраняющимся массовым институтом «неграждан» (Латвия) и «лиц с неопределенным гражданством» (Эстония). Русскоязычные жители документированы паспортами «неграждан» и «лиц с неопределенным гражданством». Процедура «натурализации» для русскоязычных жителей государств Балтии, волею судьбы оказавшихся в этих республиках после 1940 г., является обязательной. Доказательством лояльности служит совершенное владение государственными языками, признание официальной идеологической концепции, принесение клятвы верности.

Несогласные столкнулись с дискриминацией и поражением в правах. Например, в законодательстве Латвии закреплено 70 различий между гражданами и «негражданами». В частности, для «неграждан» законодательством установлены запреты на профессию, занятие определенных должностей в системе государственного управления; ограничено право личной собственности; установлены запреты на занятия предпринимательской деятельностью, установлены иные ограничения. Политическая дискриминация проявляется в запрете для «неграждан» участвовать в избирательном процессе – выборах в Сейм, муниципалитеты. В Эстонии «лица с неопределенным гражданством» подвержены дискриминации по целому ряду политических и социально-экономических прав. В частности, им запрещено занимать государственные должности, действует запрет на свободу распоряжаться своей собственностью и быть правомочными субъектами привати-

зации, состоять в политических партиях и создавать их, участвовать в политической жизни – голосовании на выборах; избираться и быть избранными на политические должности и др. Международные организации настойчиво призывают власти Латвии и Эстонии ускорить процесс сокращения безгражданства. Безотлагательность решения этой проблемы продиктована тем, что многие люди так и умирают, не дождавшись гражданства, некоторые отчаялись и попросили российское гражданство, а кто-то просто уехал.

«Советская оккупация» – другая насущная проблема политической практики Литвы, Латвии, Эстонии. Требование к России о выплате денежной компенсации за ущерб, связанный с периодом «советской оккупации», включая «демографические, экономические и экологические потери», не снимается с политической повестки. В 2010 г. Эстония подсчитала, что ее ущерб от «оккупации Советским Союзом» составил около «49 млрд долларов». В апреле 2016 г. специальная комиссия в Латвии оценила ущерб от «оккупации» в «300 млрд евро, если не больше». В сентябре 2016 г. потребовать от России выплату ущерба от «советской оккупации» решили власти Литвы по латвийскому методу – поднять архивные документы и вычислить баланс финансовых потоков между Вильнюсом и Москвой за советские десятилетия. Россия закономерно отвергает подобные претензии, называя их бессмысленными и бесперспективными с точки зрения международного права, а лиц, озвучивающих требования к России о выплате многомиллиардной компенсации за советское прошлое относит к «больным людям с уже неисправимой психикой» [8].

За истекшие десятилетия сформировались и другие парадоксальные явления. В постсоветской политологии сих пор не удалось преодолеть противопоставление сторонников западных идеалов и государственников; демократов и коммунистов; «соборности» и авторитаризма; сочетания государственных и религиозных институтов и антиклерикалов и др., что формирует основания ценностного раскола в базовых политических ценностях. Углубление раскола очевидно на фоне обострения социальной несправедливости в обществе, что ставит под сомнение способность демократических ценностей купировать кризисные явления. По данным российских политологов, для большинства простых россиян «демократические ценности вообще не имеют первостепенного значения» и «не являются ключевыми стимулами политической активности». Также налицо «низкая роль политических партий и парламента» [9, с. 31–32] как ведущих институтов политической деятельности.

Продвижение демократических ценностей постсоветской политологией сталкивается с серьезнейшим препятствием в виде угрожающего роста социального расслоения в мире в целом, углубления неравенства, появления невиданных масштабов бедности, нищеты и зависимости. Великие идеалы прежних поколений людей, которые заставляли их сражаться на баррикадах, подвержены глубокому размыванию. Это право на труд, который сво-

бодно выбирается, 8-часовой рабочий день, достойное вознаграждение по результатам своего труда; право на образование, право на здравоохранение, право на пользование достижениями науки, культуры и искусства, а в целом, общемировым наследием человеческой цивилизации.

Ученые давно бьют тревогу: «положение людей остается фундаментально неравным во всех странах мира, включая и самые развитые постиндустриальные государства. Сегодня только в США 1 % населения владеет 42 % национального богатства, как это было в 1900-х гг. Более 73 % прироста национального богатства в США в 2000–2007 гг. пришлось на долю 1 % американцев. В Великобритании 1 % граждан стал владеть 25 % национального богатства, а 50 % населения – всего лишь 6 %. При этом из 60 млн населения этой процветающей страны 11 млн живут в бедности и нищете.

В России 1 % самых состоятельных граждан получает 40 % всех доходов страны...» [10, с. 7, 26]. «Согласно официальным критериям оценки нищеты, в России за чертой бедности живут ровно 50 % населения страны. Бедность становится хронической, консервируется и передается следующему поколению» [11, с. 89–90]. В этих условиях повышение пенсионного возраста в России в 2018 г. для женщин до 60 лет и для мужчин до 65 лет при недостаточной высокой продолжительности жизни, уровня доходов и др. резко обостряет проблему социальной несправедливости, усиление которой, по данным ВЦИОМ, ощутили «более трети россиян – 32 %» [12].

Другая проблема – востребованность специалистов-политологов. В рамках современной системы образования выпускники-политологи получают такие специальности: в России – «исследователь политики, преподаватель политических наук»; «политический лидер», «сотрудник международной организации, дипломат»; «политический аналитик, консультант»; «PR-менеджер в сфере политики»; «государственный служащий»; «политический журналист»; «политтехнолог, менеджер избирательной кампании»; «GR-менеджер» и др.; в Беларуси – «политолог-юрист», «политолог-менеджер», «историк-политолог». Но в течение длительного времени не решается «главная проблема – турбулентность и кризисность рынка политических профессий» [13, с. 71. 75], сложность трудоустройства политологов, особенно в Беларуси.

Эти и другие факторы порождают потребность в переосмыслении современной политологии, в которой всё большую роль играют культурологические, этнонациональные, цивилизационные особенности. Новые явления в современной политической практике нуждаются в новых понятиях и вкладывании нового смысла в старые определения. Необходимо новое прочтение прежних теорий и подходов и более глубокое осмысление имеющихся. Необходимы новые парадигмы политологии, которые бы адекватно интерпретировали новые явления. Очевидно, что в жизни современной политологии наблюдается определенная остановка. Но это такая пауза, которая готовит принципиально новое измерение политической науки.

Список использованных источников

1. Актуальные проблемы современной политической науки США // Зарубежная политическая наука: история и современность. – М.: ИНИОН, 1990. – Вып. 2. – 272 с.
2. *Бжезинский, З.* Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / З. Бжезинский. – М.: АСТ, 2015. – 285 с.
3. *Иногучи, Т.* Политическая наука в трех демократиях: «нелояльной» (Япония), демократии «третьей волны» (Южная Корея) и «зарождающейся» (Китай) / Т. Иногучи // ПОЛИС. – 2004. – № 5. – С. 131–140.
4. *О’Доннел, Г.* Делегативная демократия / Г. О’Доннел // Век XX и мир. – 1994. – № 7–8. – С. 185–198.
5. *Панченко, А. В.* Совершенствование механизмов отбора и подготовки кадров высшей квалификации в области политической науки / А. В. Панченко // Инновации и подготовка кадров высшей квалификации в Республике Беларусь и за рубежом / под ред. И. В. Войтова. – Минск: ГУ «БелИСА». 2008. – С. 316.
6. Беларусь в условиях глобализации и интеграции: материалы Междунар. науч. конф., г. Минск, 25 окт. 2018 г. – Минск: БНТУ, 2018. – 206 с.
7. *Карягин, М. Е.* Современное российское политологическое сообщество – первые шаги к анализу / М. Е. Карягин, А. Ю. Сунгуров // ПОЛИС. – 2016. – № 2. – С. 8–20.
8. *Лавров, С. В.* Компенсацию за прошлое Латвии требуют больные люди / С. В. Лавров // Известия. – 2016. – 28 апр.
9. *Селезнева, А. В.* Демократические ценности в современном российском обществе / А. В. Селезнева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Полит. науки. – 2016. – № 6. – С. 20–33.
10. *Шкаратан, О. И.* Социально-экономическое неравенство в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России / О. И. Шкаратан // Мир России. – 2018. – Т. 27, № 2. – С. 6–35.
11. *Карадже, Т. В.* Формирование субкультуры бедности в России: миф или реальность / Т. В. Карадже // Вестн. РУДН. Сер. Политология. – 2018. – Т. 20, № 1. – С. 89–95.
12. Социальная справедливость в России / ВЦИОМ. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.wciom.ru/>. – Дата доступа: 23.11.2018.
13. *Чихарев, И. А.* Политические профессии и образовательные стандарты: российский опыт / И. А. Чихарев, О. В. Столетов // Вестн. Моск. ун-та. Сер.12. Политические науки. – 2017. – № 1. – С. 66–76.

(Дата подачи: 18.01.2019 г.)